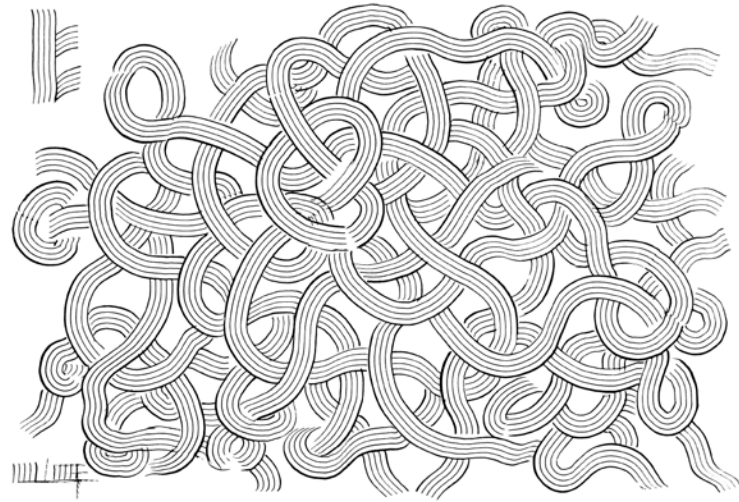

Гиперборея Елены Щетинкиной

ПОСЛЕСЛОВИЕ К ВЫСТАВКЕ

Этот разговор редактора и художника — мужчины и женщины — венчает номер **БК**, посвященный *Времени*.

Ты меня еще не знаешь.
А желаешь ли, бог весть.
Только Пушкину внимаешь,
Но ведь Пушкин я и есть!

Ю.Ш

— I —

Юрий Шевелев: Несколько лет назад два моих товарища — Артур Никитин и Салават Курманов — в такой мужской, силовой манере пытались привлечь мое внимание к доязыческой истории России. Но когда на меня давят, я обычно сопротивляюсь. И им я не поддаюсь, хотя признаю, что они весьма содержательные личности — думающие и читающие. Но я не то чтобы сопротивлялся их влиянию — просто чувствовал: ну не дорос до столь высоких материй. Я иногда беседую на исторические темы с профессиональными историками, но драма в том, что даже на вопросы о Руси IX–X веков ординарные историки не любят распространяться: «нет достоверных документов и артефактов».

Елена Щетинкина: А глубже — уж тем более.

Шевелев: Раз нет доказанных свидетельств, остальное — как бы от лукавого. И так я оправдывался, что не прислушивался к доводам товарищей. Но сегодня я услышал твой рассказ о Гиперборее, Аркаиме, увидел акварели и фарфор — и очень заволновался... Скажу, кстати, что я родился в степной зоне — в башкирском селе Акъяр (Бе-

лый Яр), недалеко от границы с Оренбургской областью...

Щетинкина: Знаю, места красивые, я рисовала там.

Шевелев: ... а потом жил и учился в средней школе в городе Сибее — буквально в двух-трех десятках километров от Аркаима и в нескольких километрах от преисподней — огромного карьера, где добывался медно-серный колчедан...

Щетинкина: И Сибай знаю, бывала там, тоже рисовала.

Шевелев: В 1970-м переехал в Челябинск, в 1979-м уехал работать в Днепропетровск в ракетно-космическое КБ «Южное». Когда в 1990–1991-х в стране началось бурление, решил вернуться на Южный Урал. Среди аргументов «за» и «против» возвращения была потаенная мысль: что когда весь мир начнет рушиться, то именно это местечко на Земле останется.

Щетинкина: Это совершенно точно.

Шевелев: Да, такая наивная надежда — думаю, у любого человека есть толика надежды на спасение... А сегодня я испытал большое волнение, когда ты в своей женской, пластичной манере, но сильно-сильно открываешь мне глубины мироздания — я даже не стесняюсь громких слов. Я ведь от чего мучаюсь? Каждый номер **БК** как бы закольцован темой. В номере — «Суд» — можно от начала до конца почувствовать тему вплоть до трагического для меня разрыва с Александром Поповым (не случайно на обложке его затылок). Мой журнал — это не СМИ, и я не собираюсь «объективно» интерпретировать окружающую среду, а просто стараюсь пояснее сформулировать свой субъективный взгляд на мир. Он был создан без моего участия, и я его никогда не изменю, но хочу разглядеть хотя бы в первом приближении. А номер «Время» задолго до нашего разговора складывался

так, что первыми текстами стали интервью с двумя девочками восьми и десяти лет — и теперь ты продолжаешь «женскую линию» в таком выразительном послыле...

Щетинкина: Гиперборея, Русь, Россия — всё женского рода. А девочки, наверное, оказались тут потому, что у них интуиция мощнее, но маловато логики... Я и за собой не вижу жесткой логики — это правда.

Шевелев: Вспоминаю, как Павел Рабин однажды мне объяснял, что Лев Гутовский — концептуалист. Но что это такое? Хотелось бы, чтобы за этим понятием следовало бы то, что можно увидеть, услышать, пощупать... В конце 1990-х Гутовский вкуче с Василием Смелянским показали в Органном зале некий перформанс. В силу глубокой отсталости я сумел выдержать такое сокрушительное представление буквально в течение трех минут и спешно ретировался. И вот сейчас — прошу прощения за это слово — именно в концептуальном плане меня интересует смысл твоей затеи с Гипербореей. Для меня пока очевидно, как рядом с тобою прошивает эманация колоссальной энергии, которую ты излучаешь, когда говоришь об этом и показываешь свои работы.

Щетинкина: Но я ничего не выстраиваю! Концепция — жесткое понятие. Мне, например, не нравится слово «проект» — особенно в искусстве. В нем слишком много продуманности: и начало, и конец, и всё прочее как бы задействовано и заранее выстроено. Я работаю по принципу приращивания: двигаешься куда-то, по какому-то пути, условно, интуитивно, и вдруг что-то само приходит... А в проекте должна быть продуманность — финансовая и т.п., а у меня такое вольное движение, которое заранее невозможно запрограммировать.

Шевелев: Я понимаю, как ты можешь существовать в современном мире, скажем, не заглядывая в мировую паутину. Но мне она стала помогать, когда сын предложил завести свой сайт, и сайт превратился в лабораторию, где надо работать каждый день — он дисциплинирует и помогает отражать повседневную реальность. В этом «отражении» сама по себе просачивается новая тема. Поэтому у меня тоже изначально не бывает никаких особых задумок, никаких проектов, а что-то похожее на твое «приращивание». Вот мы поговорим, появится расшифровка, первая редакция, вторая, третья, далее публикация на сайте, додумывание, избранное идет в бумажный журнал, а уж потом что-то может войти и в книгу.

Щетинкина: Мне работа в сети непонятна — я даже на свою страницу не заглядываю.

— 2 —

Шевелев: Вернемся к теме. Сейчас мы сидим в твоей мастерской на улице Пушкина (он всегда рядом!) в городе Челябинске. Отсюда до Аркаима, можно сказать, рукой подать. И граница Уральского хребта от нас в двух кварталах. И, может быть, поэтому так сильно трогает история Гипербореи и Аркаима, как центра древнейшей культуры и осе-

вой линии, от которой слева Запад, а справа Восток...

Щетинкина: А что, это разве не так?

Шевелев: Так, так, но если бы мы были в Африке или еще где-нибудь у черта на куличках — что бы мы думали? Мой одноклассник Саша Сенкевич, родом из Кустаная, пятнадцать лет назад перебрался в Канаду в городок Ватерлоо. У него там небольшой семейный бизнес — закусовая «Теремок». Он увидел в сети сайт **БК**, и мы списались, а не виделись двадцать лет! Тут я чувствую, что произошел разрыв — мне не совершенно интересна жизнь заштатного канадского городка! Я не успеваю разобраться со своим местом. Ну зачем мне Ватерлоо? А Саша, по-моему, испытывает чувства посложнее. Думаю, увидев фото современной Астаны на сайте **БК**, у него что-то ёкнуло. Он ведь подался за кордон, скорее всего, ради детей — но его младший сын после учебы в Монреале подался в Катар! И каково сейчас отцовскому сердцу?!

Щетинкина: В Астане я не была, не знаю.

Шевелев: В 2000 году я там был со скульптором Виктором Митрошиным и архитектором Николаем Семейкиным. Мы предложили главному архитектору Астаны Ивану Лаптеву водрузить митрошинского «Золотого орла» высотой 97 метров на месте, где сейчас «Байтерек», символ казахской столицы. С орлом не срослось, и Никита Михалков выкупил права на скульптуру за один рубль, «Золотой орел» стал призом для кинематографистов. И тогда было понятно, как круто взялись за Астану: привлекли японского архитектора с опытом проектирования мировых столиц, и т.п. Первым делом в центре города поставили огромное здание «Музея искусств». Мы туда, а там... ну очень скромные утилитарные поделки казахских кочевников: циновочки, кумганчики... Музей есть — а искусства нет. И вот я узнаю, что «Музей искусств» перекроили в «Президентский музей», где хранятся ценные подарки президенту, думаю, там есть произведения высокого искусства, но вряд ли казахского. Я так долго подвожу к простой мысли; если бы мы жили сейчас в Ватерлоо или Астане, вряд ли бы думали о роли Аркаима как достоверного следа доисторической цивилизации. Хотя я допускаю, что об этом серьезно думает Артур Никитин, который перевез своих детей из грязного Челябинска в Баден-Баден. И он глубже меня поймет твою логику и философию.

Щетинкина: А логики-то нет никакой, есть только «заглядыв», нырки...

Шевелев: Ты не поняла меня. Чем отличается мужское от женского? Для тебя это нырки, но я, как бывший инженер-ракетчик, знаю, что ракету делают миллионы людей. И каждый как бы «ныряет» куда-то, а в конечном итоге получается что-то, способное оторваться от земли и улететь в космос — туда, откуда прилетели твои пришельцы.

Щетинкина: Нормально. Образно, весьма.

Шевелев: Один специалист знает и делает одно, другой — другое... Лично я поначалу считал удельный импульс двигательной установки по телеметрическим из-

мерениям в летных испытаниях, разбирался в уравнении Циолковского в дифференциальной форме и сочинял программы на языке Фортран. Однажды мне почудилось, что я нашел неучтенную составляющую от перетока топлива во время работы маршевой ступени. И я так загорелся своим открытием! Типа — первый в мире! У себя в Днепре заморочил всем голову на научных конференциях, но в МАИ нашли умные ребята и объяснили, что я — дурак. Кстати, когда я «жил удельным импульсом», то не мог понять, что главный конструктор не знает на память уравнение Циолковского, а тем более не знает, как посчитать импульс по методу наименьших квадратов. И только много позже я понял: всякие формулы, уравнения, тексты, картины, фотографии — в конечном счете, это отношения между людьми, без которых никакая ракета не взлетит...

И сегодня на крутом историческом рубеже современно-го столкновения земных цивилизаций я особенно остро вспоминаю волнение, охватившее меня на границе двух тысячелетий в 1999–2000 годах. Тогда мы с Артуром Никитиным начали издательский проект «Свободные диалоги». Я активно писал, тащил талантливую молодежь и зрелых авторов, но не журналистов, а пишущих людей, состоявшихся в своем деле. Более того, летом 2000 года я попытался уединиться на острове, чтобы сосредоточиться и как-то прочувствовать будущий XXI век. Мартовский номер «Свободных диалогов» вышел накануне избрания В. В. Путина президентом России. Номер оказался последним — Никитин ушел из проекта, а накануне, в февральском номере, он предсказал: Россия непременно придет к диктатуре. А на обложке мартовского номера стоял васнецовский «Витязь на распутье», и в лидере к номеру я тщетно зывал: «Россия, приди в себя перед выбором!» И сказочный витязь слушал меня, понутив голову и печально взирая на камень и лежащие перед ним кости, над которыми парил злоеший орел...

Щетинкина: Тогда по всей Руси стояли камни, указывающие путь: «Прямо пойдешь — то-то найдешь, налево пойдешь — жизнь потеряешь, направо...»

Шевелев: И в XX веке уже были ясные указатели человечеству, что в XXI веке случатся глобальные катаклизмы, включая военные. Умные люди написали толстые книжки, предупредили, но обывателю это казалось диким — ведь в конце XX века мы оглянулись на него и ужаснулись: какой он был страшный. Казалось бы, человек разумный должен был отдавать себе отчет в этом. Но людям хотелось думать, что в XXI веке жизнь должна быть благостной и умиротворенной... А 11 сентября 2001 года началась Третья мировая война — а сегодня налицо глобальный кризис. Причем Россия находится в его эпицентре — в жерновах между Западом и Востоком. Или такова и есть наша планета от самого истока цивилизации? А всякие «нырки» в Китай, в Ближний Восток или в Европу и Штаты — искусственные и опасные условности. Отсюда вопрос к тебе как художнику: сможем ли мы в Гиперборее жить сами по себе — радостно и долго?

Щетинкина: Ну ты раскручиваешь! Я-то вольно фантазирую: занырнула, посмотрела, что-то нарисовала. Я хочу показать, что мы в России сильно недооцениваем себя, и нам помогают себя недооценивать. Но в нас хранится высочайшая древняя культура, и главное — дух. А мир движется по технократическому пути, создает роботов, себе подобных, — и эти машины могут погубить человека разумного. В Гиперборее была другая цивилизация — духовная. И если еще хоть чуть-чуть теплятся следы духовной цивилизации, то они находятся именно здесь — на Урале — и идут именно оттуда — с Севера. Я так думаю. Мне сегодня стало стыдно говорить: «Я была там-то, ездила туда...» Меня спрашивают: «А ты в Париж не поедешь в этом году?» — «А мне на фиг Париж, я здесь дома, я хочу разглядеть то, что у нас под ногами». Ведь здесь невероятные пласты! У нас немало людей, изучающих ведическую культуру. Я ее в большой степени не изучала, но мне, может, и не надо: если уйдешь туда с головою — то всё, не вернешься. Я же просто художник — а не какой-то историк или мыслитель.

— 3 —

Шевелев: Таким, как я, обыкновенным людям, все-таки нужно стараться изучать, познавать мироустройство — а художникам всё дано изначально! Они просто должны извлечь изнутри картину мира и показать ее людям.

Щетинкина: Должен случиться внешний импульс, чтобы я могла что-то вытащить из себя. Так и происходит — встреча внутреннего и внешнего. Я никогда не занималась аналитической живописью или искусством, что складывается только умом. Мой путь — через эмоцию, переживания, энергетические импульсы... Я пытаюсь не столько познать, сколько почувствовать что-то внутри и попытаться вытащить... На таком пути большие возможности. Ванга, кстати, предсказывала, что путь пойдет от России. Здесь начнется энергетический подъем — здесь живы следы самой древнейшей цивилизации. Да, официальная наука этого не признает, замалчивает. Хотя я наскочила на книгу философа Валерия Никитича Дёмина о нашей северной прародине и познакомилась с трудами археолога, исследователя доисторической Руси — академика Бориса Александровича Рыбакова. Но другой академик — Дмитрий Сергеевич Лихачев — назвал «Велесовы дощечки» подделками. Он, конечно, авторитет, но сейчас многие проблемы пересматриваются. А меня лично не интересует, как, допустим, на суде: виновен или не виновен? В данной ситуации — я так вижу. И мне неважно — «виновен или не виновен».

Шевелев: Я уже упомянул, что этот номер начался с деток, как бы с рождения жизни, то есть за здоровье, — а заканчивается твоей Гипербореей и «Свободой и злом» философа Александра Чупрова. И, честно говоря, я чувствую, как уходит энергия и из меня, и из России... Да, Париж тебе больше не интересен — и бог с ним. Как бы нам разобраться со своей родиной и прародиной до своего

ухода в мир иной? Без её понимания тяжело представлять перед Страшным судом. А мои идолы — Пушкин, Чехов и Пастернак, как я думаю, уходили спокойно, с пониманием. Пушкину было больно от масонской раны, но душой он был готов к Суду — он хорошо потрудились на земле. И я стараюсь уходить от праздной растраты сил, экономлю энергию, предпочитаю ничего нового не иметь — чтобы не потерять. У меня самый удачный день — когда я в 7–8 часов вечера первый раз выхожу из дома и бегу в лес...

Щетинкина: А всё остальное время?

Шевелев: Работаю с текстами, приглашаю к себе интересных людей. Правда, недавно отвлекся — съездил в Астану и семь суток варился в дзюдо. Просто мне близка эстетика борьбы, тем более на таком турнире мирового масштаба, где так сложно переплетаются человеческие отношения. А это и есть моя «специализация». Там мы открыто поговорили с Владимиром Каплиным, главным тренером сборной СССР и России на переломе исторических эпох — с 1989 по 1996 год. Я всё стараюсь записывать, иначе история борьбы, как и Гиперборее, уйдет — и следов не найдешь.

Щетинкина: Нет, следы Гиперборее есть! И это самое удивительное!

Шевелев: Для меня импульсом является новый человек, который вдрут меня заводит. А что для тебя? Париж уже не является порогом возбуждения, но какие-то древние следы Гиперборее — являются! Это видно по твоему лицу, дыханию... Я так понимаю, эта история в тебе вызревала подспудно, а теперь она наполняет тебя энергией и силой, которая движет дальше, дальше — в космогонию...

Щетинкина: Думаю, да. Всё шло постепенно. На одной только эмоции это не могло вспыхнуть — здесь же завязано всё-всё-всё! Я писала цикл «Уральский меридиан», где много разных легенд, и глубоко переживала, много всего пропускала через себя, ездила в Аркаим, встречалась с людьми, читала... Новая информация постоянно подпитывала меня — для художника важно то, что он увидел своими глазами и как-то зафиксировал — в скульптуре, живописи, графике. Потом уже можно что-то осознать и объяснить, но вначале ты можешь вообще не понимать, что сам сделал...

— 4 —

Шевелев: И ты своим путем, и я своим путем — с разными порогами возбуждения — мы продвигались по жизни. И вдруг появляется общий для нас обоим порог возбуждения — Гиперборее — «история до истории», до «эпохи исторического материализма»... Это наш фундамент и крайне важная штука для внутреннего самостояния человека. Когда я писал книгу «Недалекое прошлое» с Павлом Беньяминовичем Рабиным, между нами возник «еврейский вопрос». Была написана глава, которая выпала из книги по просьбе Рабина. Чтобы ее написать, я уволился из администрации Трехгорного и два месяца почти не вы-

ходил из дома. Обложился горой книг: библейскими первоисточниками, трудами религиозных и светских мыслителей. Но в первую очередь я сосредоточился на «Исходе» из Пятикнижия Моисея, пытаюсь в первом приближении разобраться с декалогом и диалектикой конфликта между Ветхим и Новым заветами.

Шел март-апрель 2004 года, Рабин почти каждый день заезжал ко мне, мы подолгу говорили, выясняли отношения. Сам он считал себя настоящим евреем, хотя родился в Магнитогорске, рос в рабочем квартале среди «грубых» металлургов, а традиционная еврейская культура прошла мимо него, но могучий природный генезис не мог быть подавлен извне. И мы с ним серьезно схлестнулись в откровенном диалоге. Да, он не вошел в книгу, но я его опубликовал в журнале «Социум и власть». Причем некоторые читатели пришли к выводу, что я как бы «порвал Рабина». Суть конфликта в том, что Рабин утверждал: мол, мы — евреи — избранный народ, мы — «первочеловеки»! Я отвечал: это вы, евреи, так считаете... но и любое другое племя тоже вправе считать себя избранным, коль оно явилось на белый свет. Более того, даже отдельные особи могут считать себя «первочеловеками». В номере «Сила» я представил двух Александров Евгеньевичей — Попова и Миллера, назвав их самыми первыми людьми, поскольку инициалы у обоих «А» и «Е». Тут и ежу понятно, что их родителями были Адам и Ева! Кстати, все читатели и отцы города согласились, и теперь Попов и Миллер — почетные граждане Челябинска. Привет их родителям, думаю, они довольны...

Вспомню и историю, как один из героев моей книги «Жизнь людей» — Салават Курманов в конце 90-х проходил «инициацию» при создании партии, превратившейся в «Единую Россию». На Алтае собирали сильных парней, воинов-интернационалистов и втолковывали им «ведическую историю» и объясняли роль христианства в ее забвении. А ведь нет такого русского, как татарин! Салават очень проникся древними смыслами, и когда прочитал первую строку моего предисловия к книге — ужаснулся! А я там написал, что человек произошел от Адама... Салават в шоковом состоянии потребовал переписать, поскольку был убежден, что наша прародина была задолго до библейского «Бытия», написанного евреями. Но я таки оставил про Адама. К чему я это вспомнил? «Происхождение видов» — очень серьезная история. И твоя выставка «Там чудеса...» чрезвычайно важная. Но я буду стараться держать себя в руках, сильно не загораться, чтобы не сгореть до тех пор, пока что-то не пойму. Как бывший марафонец, я точно знаю: самый рациональный график бега — равномерный, первая половина дистанции должна быть соизмерима со второй...

Щетинкина: У тебя сомнение, что люди скажут, мол, никогда никакой Гиперборее не было, а это звук на пустом месте — да ради бога!

Шевелев: Это ты так считаешь, у художника всегда есть отмазка — я так вижу. Недавно на открытии выставки

Александра Данилова «Белое, черное, красное, золотое» мы с Игорем Духовным попросили автора: «Саша, объясни нам, что тут и к чему?» И он попытался: «Это — Богородица. Вот у нее одна черточка означает это, а другая черточка то-то...» Уходили мы с Игорем — он вдруг посетовал: «Эх, Саша, Саша...» А я ему в ответ: «Брось ты, главное — чтоб автору было хорошо...» Если художнику хорошо от им созданного, то обязательно еще кому-то будет хорошо!

Щетинкина: Вот именно. Художник держится благодаря тому, что в нем вдруг возникает искра... и он загорается чем-то доселе неведомым! А что есть истина или не истина — не играет никакой роли. Исторично — не исторично, доказано учеными — или не доказано: неважно! Да, ученые против Гипербореи и считают ее вымыслом — да ради бога! Я и не утверждаю, что это не вымысел, но каким-то образом в это пространство окунаюсь. Я там, может быть, что-то не вижу, но чувствую, как искрит... И, само собой, стараюсь к этому подобраться через ассоциативное мышление или всем известные сказки: тот же «Колобок», «Репка» и прочие — их знают все от мала до велика. Они живут внутри у людей, в их мыслях, в чувствах. Какой-то путь должен быть: просто так ничего не может возникнуть из «ничего». И у меня, вероятно, есть предначертанный путь, но в основном я руководствуюсь интуицией. Занырнула, что-то выдернула, что-то увидела — нарисовала, слепила и не собираюсь ничего доказывать. Геннадия Борисовичу Здановичу пытались доказать разные специалисты, мол, Аркаим — какая-то выжимка, пустое место... Но я это всё проверила своей интуицией, и делом, и эмоцией.

На Аркаиме нас повели на уже заросший раскоп, мы легли на матрасики, а были грозы... Теперь я свои впечатления выражаю в работах — я увидела и почувствовала, какая это была мощная цивилизация! Лежишь на коврик, смотришь в небо — ты там, там, на других планетах. Это абсолютно нельзя придумать. Это не пустое место! Если чувствуешь, что тебя трясет, — значит, это истинная эмоция! А когда просто умствуешь: вот захотел, притащил какую-то «мысль» — то ты хоть сиди, хоть долби — ничего не нарисуешь! В тебе ничего не происходит. Нечему, нечему возникнуть и неоткуда! Да, есть холодный, логический ум, есть знание истории искусств — там можно что угодно навалить, можно по аналогам пойти — но существует и другой путь! Я предпочитаю другой! И не лезу, не роюсь, не листаю «Историю искусств» — как там какой-то художник что-то увидел. Единственное исключение — «Три богатыря». Тут Васнецов сразу возникает и крепко увязывается...

Шевелев: Но у тебя-то другие богатыри.

Щетинкина: Другие, но обычно у человека в сознании осело: раз «Три богатыря» — значит, это Виктор Михайлович Васнецов. Всё! Классика! Или вот Илья Муромец сидит, можно как угодно его обрисовать, но это настолько устоявшийся и мощный символ. Дедушка Васнецов такое создал! В сравнении с ним его внук — вообще пигмей, правда, он

сумел выскочить на имени знаменитого дедушки. Все же сразу знают: «О, Аленушка на камушке! О, три богатыря!...» Да, можно полистать Интернет, посмотреть, кто что делает, — и что-то самой измыслить. Но я так не могу двигаться. Я ищу резервы в себе. Мне помогает литература и само слово... Слово — очень важно, оно много дает.

Шевелев: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог... В Нем была жизнь, и жизнь была свет человека» — сказано в Евангелии от Иоанна. Мне от этих строчек легче. Я нахожу смысл в своих занятиях, в поисках слова, объясняющего мою жизнь и жизнь окружающих меня «человеков». Им это не всегда нужно. И мне остается одно: верить в себя.

Щетинкина: И для меня Слово имеет огромное значение: читаешь, представляешь — и вдруг толчок происходит... Это может быть и поэзия, и какие-то древние тексты... Можно сказать, что «Велесова книга» выдуманная. Но если меня что-то там зацепило — я считаю это верным признаком достоверности. Научным людям я это не докажу — да ну их в баню! Я своим интуитивным путем двигаюсь, не могу сказать, что равномерно или как-то иначе, — я могу быть не уверена или совсем этого не знать. Я не знаю, может быть, какой-то художник и действует логически, у каждого свои «пути». И я чувствую свое, раз смогла выкопать информацию, через себя ее пропустить — и вдруг закрило! Значит, Гиперборея существует! И еще же была цивилизация, гораздо более мощная, чем египетская, — Атлантида. О ней знают мало — как дымок какой-то, больше ничего. Но кто-то скажет: не было ни Атлантиды, ни Гипербореи, а кто-то собирается и отправляется на север или всю жизнь бороздит океаны, ныряет на дно и ищет Атлантиду в реальной жизни!

Была — не была? Была! Абсолютно точно! Да, каждый кулик свое болото хвалит. Но здесь уж слишком много энергетических вещей, как бы столбов таких поставлено — как стояли камни на распутье по всей Руси. Вся наша Уральская гряда, начиная с Севера, — это мощнейшее явление! Я недавно сидела на своей выставке в Москве и то-сковала — не по самому Челябинску, а в более широком смысле слова. Такое было внутри ощущение, что я где-то сижу, непонятно зачем, на каком-то «задворке» мира — хотя все считают: «Москва — столица!» И прут туда. Да. Но там — провинция, а центр — здесь, у нас. Он ощущается... Ведь в древности здесь была такая мощная энергетика, если люди могли передвигаться только силой своей мысли. Иногда я сажусь в автомобиль и думаю: ну что люди так за них цепляются? И все норовят купить лучше, «красивше», быстрее! Это же примитив страшный — человек двигается в какой-то металлической коробке, а в Гиперборее люди передвигались силой мысли! Этого же никто не отрицает! Правда, какой-нибудь заваливающий абсолютный материал скажет, что это утопия...

Шевелев: Почему утопия? Многие умеют мысленно общаться на расстоянии. Подумал о человеке, вызвал его

дух — он сразу позвонил, встретился, материализовался.

Щетинкина: Правильно, подумал — и перенесся. Я не такой уж пессимист, и, если ухватываюсь за ниточку, мне не требуется доказательств. Пусть математик доказывает теорему — ему нужно доказательство. Мне — нет. Я делаю то, что мне интересно. И если вдруг после выставки у людей возникнет интерес к нашей истории, культуре, к древней цивилизации — уже большое дело. Я просто пытаюсь заразить идеей, что давно-давно была мощная цивилизация, был единый язык и единая культура.

Шевелев: У тебя здесь конкурентное преимущество: художественная сила и женское начало все-таки привлекательнее, чем агрессивное мужское. Я ж рассказал, как на меня давили: «Ну ты, блин, займись вот этим!...» А я тоже всю жизнь занимаюсь только тем, что меня внутри разбирает...

Щетинкина: Почему я заинтересовалась более древними временами, чем язычество или раннее язычество? Меня меньше волнуют исследованные времена: Киевская Русь и наступление христианства. Многие распри пошли от принудительного насаждения христианства, которое столько зла принесло на русскую землю! Но я не за религию. Если бы я только ратовала за язычество — нет, я за что-то совсем другое. Меня очень увлекли «Сорок уроков русского языка» Сергея Алексеева. Его слово очень помогло войти в те времена. Человек — космическое существо, а не нечто, запланированное на зарабатывание денег: тот успешный, тот неуспешный. Какая чушь! Человек создан для большего! Это я хочу сказать, ничего не доказывая, а просто чувствую и делаю, что хотела бы показать. Больше ничего мудреного.

Разве я буду излагать стройную теорию и доказывать ее ученым-историкам? Одни утверждают: было монгольское иго, а другие — не было. Когда Лев Гумилев сказал: не было ига — на него спустили всех собак. А что на самом деле? Сейчас налицо брожения... У людей проявляется интерес к духовной прародине. Он бродит, бродит, этот интерес... хотя вроде бы мы задавлены, бог знает кому проданы... А я вычитала в «Велесовой книге», как по три века «русияне» были поработаны, но поднимали голову и выгоняли врагов со своей земли. Это и есть духовная сила, которая отличает русских. Да, если евреи считают себя богоизбранным народом — то я не буду говорить таких громких слов, но чувствую своим существом, что какая-то мощная миссия передана от одной цивилизации к другой. Как? Какими путями? Не знаю. Вот и всё.

— 5 —

Шевелев: Мы открываем новую рубрику в **бк** — «О чем говорят мужчина и женщина». И мы уже поговорили о разных цивилизациях, народах, но, как доподлинно известно, все они состоят из одного и того же — мужчин и женщин. Эти существа принципиально разные, и хотят они — раз-

ное! Прямо противоположное! Мужчина хочет женщину, а женщина — мужчину. И в голове у них всё устроено по-разному — и в конечном итоге они никогда не поймут друг друга. Мне кажется, у женщины более определенный, конкретный смысл и план жизни. Если верить статистике, они и живут дольше. Женщине важнее накормить своего ребенка, чем перевернуть мир. А мужчине так хочется войти в историю, но рано или поздно он понимает, что не способен...

Щетинкина: ... и сразу сдувается! Таких случаев много.

Шевелев: А женщина реже сдувается, она идет до упора...

Щетинкина: Да, наверное. Осенью 2014 года журналист Айвар Валеев пригласил меня на Тургойк на странное мероприятие в честь челябинского метеорита. Туда прибыли даже специалисты из НАСА. И я так удивилась: «Айвар, а я-то в каком качестве? Какой смысл в моем присутствии?» И он ответил (кстати, по поводу мужчины и женщины): «Там все докладчики будут выступать с серьезными научными сообщениями...» — «Но я-то с чем? С пустыми руками?» — «А я тебя хочу противопоставить как человека абсолютно...» Ну даже не вспомню — слово вылетело из головы. Смысл в том, что я, как вольный художник, могу говорить, что хочу, и якобы буду противоположностью строгим специалистам. Я поняла его: «В качестве шута, что ли?» Но не обиделась: а почему бы нет? Метеорит меня тоже волнует, послушаю, о чем говорят ученые. И не раскаялась — с удовольствием слушала ученых, астрофизиков. Они выступали с умными докладами, картинки показывали...

И вдруг Айвар говорит: «Твое выступление третье, за тем господином из НАСА». Я выпала в легкий осадок, но не отказалась, ну что-нибудь скажу. Главное — чтобы не забросали помидорами, поскольку я человек абсолютно лишенный логики. Айвар поэтому меня и пригласил. Да, я не оскорбилась: какие у меня могут быть амбиции? Никаких... Было любопытно, и я поехала. И не зря. Слушала, смотрела, вникала, тем более как раз работала над циклом «Метеорит». По ходу возник вопрос: как можно заработать на таком феноменальном явлении? Я предложила: нужен миф, без мифа — никак! И мифы уже создаются. Да, возможно, в искусстве челябинский метеорит отразится не сразу — скажем, в конце жизни какого-то художника, видевшего его своими глазами. В том числе и я видела. К тому же многие успели, щелкнули мобильниками, сфотографировали — и это пока выглядит, как такой злободневный случай. Но в искусстве и в жизни не так просто всё устроено. Чтобы это привлекало внимание и заработало как миф, нужно эти мифы создавать. Известны мифы Среднего Урала — уральские сказы и проч. Они складывают интересный образ пространства. Едет человек в Екатеринбург, пересекает границу Евразии и... уже начинают работать мифы. А если просто сработал щелчок фотоаппарата — и на этом всё, а мифы никто не создаст,

то через год про это событие все забудут. Но художники и поэты не забудут! В них будет происходить внутреннее движение, творение. Оно может происходить очень долго и потом во что-то вылиться или не вылиться. О чем-то таком я говорила ученым. Хорошо хоть, что не забросали... Айвар выставил меня в противовес публике. Все козыряли научными данными, фотографиями, высказываниями, а я не взяла никакой картинки — у меня еще ничего не было. И я просто так говорила, и вроде бы ничего...

А еще нас свозили на остров Веры, я на Тургояке была давно-давно, мало что видела. И те впечатления вылились в выставку, хотя Валева меня вроде бы случайно ухватил. Потом поняла: не случайно. У меня есть акварельный лист с плывущим лебедем — это впечатление от Тургояка, оно как-то преломилось, что-то произошло. Я не могу объяснить многие свои работы — в основном всё на голой интуиции. Но я и не хочу проверять какие-то сведения, аккуратно их укладывать — это не моя роль. Был ли доволен Айвар моим выступлением — меня мало волнует. Главное — я получила заряд. И мне помогли не какие-то сведения из НАСА — да, эмоции были, но мне важнее реальные ощущения от Тургояка, от остроты событий. Они там еще рассуждали о том, как заработать деньги. Какой-то столичный молодец очень деловито рассказывал, как можно заработать. И чтобы Челябинск (мы тут выглядим в пассиве) уважали не только за то, что сюда случайно залетел метеорит, а потому что мы извлекли из него какой-то профит! А я утверждаю: не случайно над нами взорвался метеорит! Не случайно! И это непременно когда-нибудь отразится! У меня есть конкретный пример с мамой, которая в конце 1920-х годов видела пролетающую комету. Прошло много лет, и она, вышивая «Отчий дом», изобразила летящую комету. Значит, для нее она стала чрезвычайным потрясением, раз эмоция так удержалась. Ничего нет случайного: какое-то событие отражается, плавно переходит в другое явление или где-то оседает как впечатление...

Недавно я побывала на раскопках Синташты — одного из центров аркаимской «Страны городов». Перед поездкой мое воображение рисовало всякие храмы и т.п. Я думала, что там какой-то потрясающий раскоп. А оказалось: ничего нет — один ржавый столбик, склонившийся набок. Мы с друзьями ходим, что-то ищем у реки... Вдруг будто из-под земли вырастает какой-то дядька — весь совершенно восторженный. Он оказался местным историком и словно поджидал нас! Стал рассказывать, показывать — но там только торчат кусочки стен древнего храма или не храма, а некоего деревянного сооружения. Я это зарисовала — и всё. Но и того более чем достаточно — здесь есть разбег для воображения. Вроде бы ничего нет — так, торчит какая-то ржавая изогнутая табличка, а на самом деле более чем что-то! В новую выставку эта работа не войдет, но я уже нарисовала стены... Ну нарисовала и нарисовала. А ведь хотелось бы как-то передать то, что я воображала и представляла, как это всё было. Хотя «было» и «будет» —

это одно и то же! Я поняла: да, Гиперборея — это было, но, возможно, и будет!! Я имею в виду — уровень цивилизации тогда был таков, что сейчас нам еще очень далеко до Гипербореи, как и до той цивилизации, что когда-нибудь будет. Хотя бы такое же, хотя бы чуть-чуть близко к тому, что было в Гиперборее. Это и есть знаковые моменты времени — временные моменты. И в то же время для самого времени неважно — назад на него посмотреть или вперед.

— 6 —

Шевелев: У тебя много было разных пластов в работах и всякого такого, что тебя увлекало в какие-то периоды жизни. И вдруг не вдруг — возникла Гиперборея, которая, может, и раньше в тебе прорастала всю жизнь, но сейчас так мощно пробудилась. И я уже признался, что меня тема задела, и я буду думать, но — без чрезмерного увлечения. Чтобы не сгореть: просто хочется делать что-то еще. Может показаться, что я себя берегу, а это вроде бы не по-советски. У нас в юности идолом был Павка Корчагин, который в нечеловеческих условиях строил узкоколейку в тупик. А сейчас я рассуждаю почти по-женски: подольше пожить, подольше позаботиться о детях, о близких... Все равно ведь в женщине именно эта доминанта.

Щетинкина: Но ко мне это не относится, честно признаюсь.

Шевелев: Об этом я и хотел спросить: для тебя Гиперборея — только новый этап? Да, очень интересный, волнительный, но — этап. А дальше — всякое еще может выстрелить.

Щетинкина: Да, может быть всё что угодно. Но Гиперборея во мне что-то замкнула — а я всё пропускаю через сердце. Вот заискрило, заискрило, и я прямо мчусь туда сломя голову, окунаюсь в омут, но никогда не думаю, как бы мне рассчитать силы: доживу или не доживу. Имею в виду — выживу ли в эмоциональном смысле. Когда я загораюсь, меня это уже не волнует. Кстати, серьезная тема, но уже эзотерическая. Я хорошо знаю, что такое огонь. Случайно наткнулась на легенды Елены Рерих, а это голая эзотерика. У меня тоже есть какие-то свои границы — в религии, например, — за которые я не хочу заступать, чтобы не уйти от творчества, иначе может случиться перелом! Есть примеры известных художников (в том числе Боттичелли), которые, уйдя с головою в религию, растались с искусством. В религии другое служение. Я, наоборот, делала всё, чтобы остаться в искусстве. Возможно, я себя не сумела сохранить как женщину, как заботливую мать, но я делала всё, чтобы остаться в мире искусства — а не в реальности, не в реальном мире. Меня даже родные не понимают: «Ну что ж ты, стрекоза? Муравей трудился, трудился, а ты что сделала? У тебя ничего нет!» Так говорят самые близкие люди! Тут я останавливаюсь, почесываю голову: «Боже мой, я никогда ни о чем таком и не думала: ну что такое деревяшки, квартира, машина? — эти желез-

ки, которые для меня ничего не значат». Для меня имеет значение что-то другое — и в искусстве оно есть. Если ты сумел испытать состояние экстаза, вдохновения — то ты хочешь повторить это состояние еще и еще, любой ценой! И платишь за это щедро: и своим благосостоянием, и комфортом — и вообще чем угодно.

Шевелев: И семьей в том числе...

Щетинкина: Да, я столкнулась с этим. Я уже поняла, мы с сыном всю жизнь живем отдельно только из-за того, что я сделала такой выбор — остаться с искусством. И он, может быть, никогда не простит меня. Много еще резкого я сделала для того, чтобы сохранить свою жизнь в пространстве искусства. И совсем не ради какой-то богемы. А с возрастом я всё больше понимаю: жесткий выбор делать всегда трудно. Когда я сделала первый жесткий выбор — было очень тяжело. Тогда еще можно было устроить «удобную» жизнь, никуда не поступать, ничего не менять, а просто сынок — и всё такое. Я понимаю, что я мать и сын у меня единственный, но не смогла сделать выбор в его пользу! Никак не могла поступить иначе. Потом сделала другой очень жесткий выбор в своей жизни. Я сделала такой шаг, который очень... Иногда, если впадаю в сентиментальность, думаю, что никак нельзя бросать родного человека в беспомощном состоянии — но я даже и это сделала. Такие платы, такие жертвы! Короче, цену давала любую за какой-то момент вдохновения.

Позже, когда проходит время, когда человек, допустим, меня долго не видит, — ко мне вдруг возвращается это непонимание. Мне сын сказал недавно: «Мама, то, что ты делаешь, — никому не нужно». Для меня его слова — как удар по печени. Сын жесткий, бабушка его воспитывала. Вот ко мне пришла новая невестка: «Заберите свою маму». А куда я её заберу? Я живу в мастерской. И я, конечно, не могу сказать девяностолетней маме: «Мама, я не могу тебя забрать, мне некуда...» Я живу в другом мире. А мама этого тоже не поняла и говорит: «Ну вот... вроде того что...» И это самые страшные укоры, которые можно получить, — именно от родных людей: от единственного сына, от мамы, которую я пыталась защитить. Правда, у меня еще две сестры, но семейная ситуация очень серьезная, и она еще не разрулена. Но я-то думала: сын поймет меня, а оказывается, трудно понять мое состояние...

Но я не смущаюсь, что меня вообще не понимают, многие ведь думают: да что она там... живет в свое удовольствие... Невестка именно так и поняла. Но я не живу в свое удовольствие, я просто вообще не живу в реальной жизни. Наоборот получается: что я постоянно от чего-то отказываюсь в обычной жизни, чтобы в это драгоценное время получить доступ к состоянию, которое можно назвать эйфорией, можно назвать вдохновением, можно назвать состоянием экстаза. И есть еще одна причина: у меня с детства не очень хорошее здоровье, и врачи мне всегда предрекали: ты в каждую минуту можешь погибнуть, умереть. И это всегда держало меня на острие. Мне же нужно как-то

жить, а жить-то я, оказывается, могу только в состоянии эйфории.

Шевелев: Я тебя понимаю. Очень хорошо. Могу рассказать и свою краткую историю. В 1968 году, в 13 лет, я столкнулся с Чеховым и стал думать, что тоже буду писать. Даже попытался сочинить пьесу, а до этого уже два года писал вполне осмысленные письма своему дяде, потом редактировал школьные газеты и много-много писал другу, когда мы стали жить в разных городах, ну а еще позже — девушкам... Все восьмидесятые годы я жил в разлуке с мамой, и эти письма сохранились. В год, когда она уходила из жизни, я начал писать книгу «Письма к маме». В них были самые острые моменты, которые переживаются в «лучшие годы» — с 24 до 36 лет. Тогда я работал в КБ и много писал: научно-технические статьи, заявки на изобретения, а еще работу на премию Ленинского комсомола по космическому носителю «Зенит» и диссертацию по «Сатане». Но главное — в молодости я читал до 400 страниц художественной литературы в день! В 31 год я дважды перечитал полное собрание Пушкина и море литературы о нем, а потом, как сумасшедший, стал писать стихи — в любом месте, в любое время: на работе, в дороге, ночи не спал, хотя поступал в аспирантуру ЦНИИМАШ и мне приходилось много заниматься. Я написал сотни стихов в электричке на перегоне Ярославский вокзал — Подлипки (бывший Калининград Московской области, ныне Королев).

Влюбиться, право, не проблема,
Черкнуть изящную поэму,
Свершить открытие в науке —
Я ко всему готов от скуки...

В 1991-м я вернулся домой — и все девяностые годы болтался вместе со всей страной...

Щетинкина: Такие контрасты!

Шевелев: Да, кстати, из ракетного КБ в Днепропетровске я перешел в НИИ открытых горных работ в Челябинске — как бы с неба опустился на землю, даже под землю. В пресловутом Коркинском разрезе испытывал гидроклин, который мы сами разработали и получили патент. Но девяностые годы — серьезная и долгая история, я хочу написать о них большой-большой текст. И в своих книжках об этом много писал, и сейчас начал двигаться по девяностым в мемуарах — «Начало конца». Но тут я не хочу углубляться в свою историю, тем более достаточно написано в журналах и моих книгах (первые четыре вообще исповедальные, включая сборник стихов). Только скажу, что в самом начале 2000-х я задумал вплоть до 2025 года каждый год писать по книге, как бы отчитываясь за пережитое. А потом на 12 лет засесть за итоговый роман «Декабрь» и к 2037 году завершить земные дела. О своих планах я рассказал в книге «Опыты дилетанта-2002». И в какой восторг пришел замечательный Николай Николаевич Семейкин: «Юра, теперь это будет тебя прочно держать на земле...»

Щетинкина: Главное, чтобы память еще работала...

Шевелев: Так я вообще долго думал, что мне снесу не будет. И не понимал вопроса: «Как твоё здоровье?» Я думал, это знак вежливости, фигура речи, и просто не знал, что отвечать. Зато теперь могу порассуждать на эту тему. Но я хотел подвести к тому, что однажды и в моей судьбе наступил момент конкретного жесткого выбора: либо семья — либо текст? Я выбрал текст, а не жизнь. И тот неизъяснимый драйв от способности написать связную строку на русском языке — бесконечно мною любимом. Кстати, нет профессии и специалиста, перед которым я так преклоняюсь, как перед корректором! Глубоко знать бесконечно сложный русский язык сравнимо с исполнением Баха на большом органе. На такое способны немногие. Когда готовишь к печати книгу в 500–600 тысяч знаков и после пятнадцатой редакции держишь третью-четвертую и, не дай бог, пятую корректуру, споря с корректором из-за каждого знака: в конце концов начинаешь держать в голове каждую строчку и букву — будто в небольшом стихе. Колоссальная нагрузка на мозг и на психику. И я сделал такой выбор. Семья распалась. Сын остался, мы работаем вместе, но выбор-то был конкретный...

Щетинкина: А выбор всегда конкретный.

Шевелев: Совершенно конкретный. Сейчас я исхожу из вполне рационального посыла — успеть сделать побольше. Я предпочитаю чего-то не иметь, чтобы не терять. Это касается и сближения с людьми, и чего-то материального. Один из самых счастливых дней в жизни был в июне 2012 года — я продал свою последнюю машину. Больше у меня никакой собственности нет, только квартира, доставшаяся от мамы, — и мне точно ничего не надо... чтобы не терять... У меня есть еще какое-то время и пространство, куда ко мне приходят мои герои. Некоторых очень удивляет, что я живу в скромной трехкомнатной квартирке. Но это мое святое место! С ним связано 45 лет жизни, здесь каждый угол — намоленный, я три гроба отсюда вынес — как я его оставляю? У нас в подъезде почти весь стояк вымер. Понимаешь? Я должен стоять здесь, держаться до упора. Кстати, Никитин написал мне недавно: «Юр, мир-то рушится. Но пока хоть один праведник останется — он не свалится». Такой у меня выбор — он, конечно, принципиальный.

— 7 —

Шевелев: Теперь другой вопрос. Помимо внутреннего состояния, для меня есть еще некая внешняя среда: два-три человека, мнение которых мне важно. Может, не очень-очень, но все-таки — важно. Остальное не интересно. Тебе сын говорит: «Это никому не нужно», но мне лично нужно. Но ты нередко проводишь выставки — это же публичное искусство...

Щетинкина: В 2009 году у меня прошла выставка в Москве в Театральном музее им. А. А. Бахрушина. Моя

подруга, бурятка, с которой мы учились в Строгановском училище, познакомила меня с московским галеристом Константином Ханхалаевым (тоже бурятом). У него художественная галерея на Крымском валу, где он в основном выставляет бурятских авторов. А я только родилась в Бурятии в Читинской области (село Дацан Могойтуйского района Агинского национального округа). Ханхалаев уже видел мой альбом и примчался на выставку. Подруга так вдохновилась: «Слушай, продавайся! Тебе нечего терять!» Я серьезно задумалась: «Как это нечего терять?» — «Да он тебе в Москве мастерскую купит!» И рассказала, что он вытащил из Улан-Удэ в Москву талантливого юношу, вложил в него деньги, раскрутил — и теперь тот якобы прекрасно живет в Германии, выставляется в Европе. Но я напряглась: «Знаешь, ты сильно ошибаешься — мне есть что терять». Я ведь буквально сразу после института не раз делала, может быть, невыгодный для себя выбор в сложных ситуациях, поскольку очень боялась потерять то, чего никогда не купить ни за какие деньги. И это самое «то» уходит совершенно незаметно!

Когда рисую портреты, я всегда вспоминаю «Портрет» Гоголя! И понимаю — терять мне есть что! А тот мальчик из Бурятии был куплен на корню — его именем подписывали чужие работы, которые клепали и тиражировали! Юношу обокрали, обобрали. А еще галерист упрекал его, мол, ты как художник кончился... И вдруг этот галерист восхищается моими работами! Но как бы ни было лестно — я четко осознаю, что могу потерять при таком выборе. У меня есть чувство самосохранения — я очень оберегаю что-то, чего невозможно купить. Да, вдохновение — само собой. Оно может и не приходиться. Пушкин говорил, что вдохновение может и не посещать, как наказание за какие-то дела, если предаешь искусство. Я очень нервно отнеслась к тому эпизоду и даже обиделась на подругу — но позже подумала: чего буду на нее обижаться, я ей простила ее слова. Для себя решила: я не хочу и даже боюсь столичных галеристов, способных просто обратить меня в рабство. Я боюсь рабства. Я не хочу быть в рабстве.

Шевелев: Я неоднократно входил в деловые и финансовые отношения. Заключал договор с заказчиком на издательские проекты, брал деньги — но на его деньги делал ровно то, что хотел сам. И это, естественно, заканчивалось разрывом.

Щетинкина: А мне никто просто так денег не предлагал — поэтому я и не соглашалась ни на что...

Шевелев: На издание журнала «Будь в фокусе» я заключил договор с учредителем на один год. Часть денег вкладывал учредитель, а большую часть я собирал от рекламы. Журнал делал именно так, как хотел, — поначалу это принималось, но все равно разрыв был предначертан и случился ровно к концу оговоренного срока. Такая же история и с «Ключевыми людьми», где я изначально соглашался только на старт-ап — первые шесть номеров в течение полугода. Кстати, после моего ухода оба журнала закрылись:

«БФ» сразу, а «КЛ» еще с годик продержался.

Щетинкина: А они могли тебе советовать, что делать, как делать...

Шевелев: Не могли: если бы они знали, то зачем им я? А недавно меня хотел втянуть в мутную сделку один популярный блогер. Он предложил на сайте **бк** площадку: «Бизнес-Общество-Конфликт» — и для начала разместить за «бабки» заказную статью от своих новых хозяев. Я разобрался, откуда ноги растут, и вообще порвал отношения с этим самым блогером. Но мне его жалко, хотя черт знает, как у таких существ внутри устроено — может, совсем по-другому, чем у людей? Помнишь, как в девяностые зазвучало из всех щелей: «Если ты такой умный — почему ты такой бедный?» Или: «Если ты такая красивая — почему спишь с одним мужчиной?» Да потому что не б...

Щетинкина: У меня всё строится на равноправных отношениях. Да, когда я выезжаю на завод — мне приходится отрабатывать хозяину. Он идет мне навстречу — я ему. Но при этом я не хочу работать за какую-то зарплату. Я уже имею какую-то сумму и твердо знаю, что именно я делать на заводе. И мне там никто не указ. Производство — хорошо, я со всеми контакту. Но рассчитываюсь только с хозяином...

Шевелев: ... и только своими работами. Так это самый правильный обмен!

Щетинкина: Это и самая высшая расплата: он получает мои новые работы — тем более если они ему по душе! У меня нет денег расплачиваться за аренду производства, за электроэнергию и т.п. Я расплачиваюсь своим трудом — вариант достойный. Мне не стыдно. Это мои работы, мой труд, мое вдохновение. И ничего: я всем довольна. Правда, мне приходится где-то искать средства на какие-то бытовые нужды... Дамские — это я вообще отпускаю. И если я что-то получила за графику — а ее у меня покупают — эти небольшие деньги вкладываю в фарфор. Не трачу на остальное. Иначе поступить не могу.

Шевелев: И у меня так же. Дай мне сейчас миллионов десять — и я подниму издание исторического значения: труд Алексея Казакова и Игоря Духовного «Венценосные слуги России. Романовы на Урале и в Сибири». И на создание книги о Есенине (тоже в соавторстве с Казаковым) ищу деньги, и на свою книгу «Начало конца» надо найти... А какие-то материальные потребности у меня мизерные. Когда мне случается прилично заработать, все равно на себя трачу копейки. В 1998 году мне довелось побеседовать с великим Махмудом Эсамбаевым. Он танцевал в нашем оперном театре, и танцевал как бог! А ему было хорошо за 70! И объяснился он так: «Всю жизнь я ем на один рубль в день по советским меркам или на один доллар, когда бываю в Америке...»

Щетинкина: Люди с житейской философией этого не понимают. Они думают, что это такой легкий, легкомысленный человек, он впустую проживает свою жизнь. Впустую. Ему хорошо — у него ничего нет! Не о чем заботить-

ся. Он ничего не приобрел!

Шевелев: Мне Александр Аристов прямо в глаза сказал: «Юра, ты будешь жить потом, а я живу сейчас...» Кстати, я думаю, хотя плохо знаю женщин, что они почти все хотят жить «сейчас». А «потом» выбирают единицы, как Марина Цветаева... Еще один момент. Я уже начал тебе говорить: в первую очередь я всё делаю для себя. Но все-таки мне важно мнение двух-трех близких мне читателей. А у тебя есть такой критерий?

Щетинкина: Нет, я здесь в полном одиночестве. Как я живу — это одно, а когда работу свою делаю — меня, честно говоря, не волнует ничье мнение. Я чувствую и точно знаю, что это делается так, а не иначе — внутреннее зрение подсказывает. Поэтому если на меня будут давить, то я... Но собственно: кто на меня будет давить? Я независима ни от кого: ни в деньгах, ни в чем. Так что никто не давит, и я свободна. Правда, производство фарфора в каком-то смысле ограничивает свободу. И это, конечно, давит. А как художник, я смогла создать себе свободу, хотя она меня и ограничивает в бытовом плане. Кто-то считает меня ничтожеством, а кто-то — неудачником. Даже из людей хорошо знакомых. И это немножечко шкрябает — если очень близкие люди. Мне мама говорит, но ей простительно в ее годы: «Лена, ты столько работаешь: ну почему же ты так плохо живешь?» Она имеет в виду материально. А я не считаю, что плохо живу, но доказать не могу! Не могу маме ответить: «Мам, ты же знаешь...» Я себя чувствую счастливым человеком, и кто бы мне что ни говорил — в творческом моменте, в том, «как» сделать, «как слепить», «как нарисовать», — здесь мне никакие советники не нужны. Никто. Абсолютно. Да, кто-то немножко тешит мое самолюбие, и я знаю людей, которые приходят на выставки только из хорошего отношения ко мне или просто потусоваться. Они не в состоянии сказать пару точных слов по поводу работы. Я снисходительно к ним отношусь. Хвалят и хвалят... нормально. Но когда критикуют — это лучше действует.

— 8 —

Я приехала на Урал, окончив со всеми отличиями Строгановку, а до этого Казанское училище, но здесь меня восприняли в штъки. Очень сильно. И художники, и все-все. Перед Гипербореей я готовила для музея перечень своих выставок за 30 лет пребывания на Урале и в среднем получается — каждый год по персональной выставке. Участие в общих выставках я считаю несерьезным. Для меня серьезно — большая персональная выставка. Но официально, на уровне руководства Союза художников, меня стараются не замечать. Еще в советские 1980-е годы Москва десять лет не пускала с моими работами. В 90-е какое-то внимание появилось со стороны телевидения — ко мне хорошо относился замечательный журналист Василий Васильевич Павлов. Но Союз художников делал вид, что меня

нет как художника. И к этому я тоже привыкла — ведь это всё «внешнее». Мне смешно, как люди несутся со своими картинами в Москву, кому-то что-то подсовывают — чтобы им дали звание. А ведь это совершенно несущественно. Главное — сам процесс, а не ярлыки, которые на тебя навешивают, и всякая ненужная суета и мишура. Ну дали звание человеку — и что? Я от этого стану лучше как художник? Не стану. А может, даже стану и хуже — потому что будет это мелькать передо мной, возможно, мешать. Моя подруга (однокурсница) работала на внука Васнецова. Тот много лет был главой Союза художников, то есть у кормушки. Он брался за огромные заказы — и привлекал мою подругу. Она всю жизнь на него пахала как исполнитель. И мне предложила: «Лена, давай на Васнецова потрудишься — немножко денег заработаешь». Я не согласилась, тем более Васнецов был ужасным монополистом. Я таких не люблю и лучше буду своим маленьким творчеством зарабатывать мизерные деньги, но сама...

Шевелев: Кстати, у тебя есть какие-то внешние признаки, типа «заслуженная»...

Щетинкина: Ничего нет. Да я и не стремилась, а в Союзе тем более. Недавно там откровенно посмеялись, когда перед выставкой телевизионщики позвонили в Союз художников: «Есть ли у Щетинкиной звания?» — «Да она у нас народная!» «Народная» — просто на словах. И меня это не волнует, не обижает — я не считаю, что меня где-то там обошли. У нас давно не советская система — но я вижу молодых, считающих, что если ты не «заслуженный художник», значит — плохой! На Западе таких званий нет, а у нас это важно, особенно среди художников старшего поколения — им непременно нужны звания. Если «народный» — ну всё... жизнь удалась... какие-то там льготы... Смешно! А на меня смотрят так: «Раз она не заработала никаких званий — значит, никто». Многие так оценивают художников. Бывший председатель челябинского Союза художников А. П. Кудрявцев, уже сильно зажавшись на ответственном посту, однажды публично заявил: «Художник должен жить богато. Если он мало зарабатывает — он плохой художник». Ну не надо путать художника и бизнесмена! Когда художник рассказывает о себе, о своих достижениях — и представляет итоги своего труда как заработанное движимое и недвижимое имущество, меня это удивляет: зачем же он занимается искусством? Это бизнесмен, а не художник. А я-то, конечно, никакой не бизнесмен — свои работы даже продать не могу. Но не в этом дело...

— 9 —

Шевелев: Давай переключимся. Я хотел спросить: для тебя Бог — это фигура речи или все-таки что-то такое, что... может быть?

Щетинкина: Вопрос очень трудный. Во-первых, это не пустое слово. Во-вторых, я не рассматриваю его в таком примитивном смысле слова — просто уповать, молиться

и проч. Мы с мамой иногда дискутируем по этому поводу. Она ведь молится за всех нас. Здорово, конечно, но иногда я сомневаюсь: верующий ли она человек? И спрашиваю ее: «Мама, ты верующая?» — «Конечно». Но вот у нее случилась травма, и она кулачками стучит, гневается... Я ей говорю: «Мама, а ты не думаешь, что истинно верующий не должен гневаться? И должен считать, что испытания ему посылаются свыше, чтобы проверить его веру. А если ты негодуешь — значит, ты не веришь, что на тебя смотрит Бог и тобою управляет. Он, конечно, тебя любит, но немножко подбрасывает испытания...» Тут мама нервничает еще пуще... Я ее, конечно, очень люблю как родного человека, но иногда задеваю: «Мама, это внешняя сторона, что ты молишься каждый вечер. Кому ты молишься — не знаю. Но по твоим поступкам видно, что ты не верующий человек, а все-таки больше атеист». Вот так мы иногда общаемся...

И я хочу сказать: мои поиски веры трудные. Они не на сознательном уровне. Да, органично, когда ребенок родился и живет в вере, но у нас в стране давно всё пошло наперекосяк. Когда мы росли, религия была под запретом. А самостоятельный поиск веры труден, труден... В 1994 году я делала Евангельскую выставку и много раз читала Евангелие, Библию, пыталась осмыслить. Вдруг «выскочил» Николай Александрович Бердяев, а ведь его в свое время отлучили от церкви. Он мне помог, я поняла: у меня инстинкт художника больше, чем тяга к истинной вере. Есть какое-то соотношение, которое не подпускает меня к «слепой вере», — инстинкт самосохранения художника как своего пространства в искусстве. Есть у меня такая «предохранительная подушка», которая позволяет не дойти до крайности...

У нас в разговоре был момент, когда ты говорил, что кто-то уходит в ведические культуры, в самую глубь — уходит и не возвращается. А мне необходимо быть здесь, в искусстве. Этот момент очень дорог, когда ты делаешь именно что должно, — а иначе ты не выживаешь. И это не красивые слова, а правда. В такое мгновение ты и творишь — и тебе легко: у тебя нет тела, у тебя нет никаких болезней! А меня с детства преследует больное сердце — мне всегда это мешало в каких-то бытовых моментах. В обычной жизни здоровье подводит, но мои мысли, мечты и воображение всегда были мощнее, чем позволяло не очень добротное, хилое тело. Но я поняла: зачем мне бегать спринт, когда это можно моментально представить в своем воображении? Тут не нужны твои физические возможности.

Шевелев: Я хочу важное сказать: тебе же слово «проект» не нравится, но «проект» или «модель» — это ведь «путь».

Щетинкина: «Путь» — не надо путать!

Шевелев: Ладно, есть два пути — диаметрально противоположные: вера и атеизм. У верующего и у неверующего — разные горизонты и перспективы, от чего

жизнь выстраивается по-разному. Верующий верит в бессмертие души... Мой близкий друг — известный хирург, профессор — верит в бессмертие души, хотя, как у любого хирурга, — за ним целое кладбище. Но он верит, и, может, для хирурга это является опорой в работе. А у неверующего другой горизонт, другая логика, модель жизни — другой путь, который часто приводит к цинизму, к потребительству и проч. Это та самая логика: «Ты будешь жить потом, а я живу сейчас». Но я на всякие роллс-ройсы и яхты смотрю снисходительно — да, мужикам нужны игрушки: раз тебе хорошо, значит, хорошо. Да, у верующих и неверующих ценности разные. Но есть и третий путь — путь художника. Если не поддасться искушению того же «золотого тельца», если не пойти на сделку с совестью во имя каких-то вторичных вещей — этот путь вечен! Созданное подлинным художником останется навсегда.

Осенью 1996 года я увлекся скульптором Виктором Митрошиным. Я тогда случайно оказался руководителем фабрики художественных изделий. И вот в мастерской Фонда художников на Омской я увидел мелкую пластику Митрошина. Я так загорелся и в первый месяц почти каждый вечер приходил в мастерскую... Мы с Виктором слушали музыку, любовались его работами... Было такое очарование... Я иногда приводил к нему толстосумов, чтобы продать какие-то тиражные вещи. И тогда же Виктор сделал знаменитый бронзовый портрет Майи Плисецкой — очень большой, на 40 кг. Помню его слова: «Я отказался от керамики и ушел в бронзу — керамика хрупкая, а бронзу найдут и через тысячу лет...» А потом у нас с ним произошло то, что произошло. Это отдельная история. И сейчас я думаю: не в бронзе дело. Хрупкий фарфор или тоненький лист акварели может прожить дольше бронзы, если создан в том самом состоянии вождения и экстаза. Такое состояние дает художнику ощущение самости, понимание себя субъектом этого мира, субъектом отношений в этом мире. И оно предопределяет собственный путь. Важный момент — о нем и Христос говорил. Дословно не вспомню, но смысл: «Я» — это путь. И я иногда перечитываю Библию и Евангелие, потому что там тексты, которые пережили века. Это — путь. Но путь избранных. Много званых, но мало избранных. Много верующих, много неверующих — а избранных мало. Художник — это третий путь. По большому счету — путь верующего. Но верующего в свое предназначение. Можно сказать — божественное. Впрочем, это фигура речи...

Щетинкина: Я только через Бердяева поняла, что христианство в идеале было замечательным, но оно себя не оправдало. Оно не смогло стать такой религией, которая бы стала всепоглощающей...

Шевелев: Лена, далеко за примерами ходить не надо. У нас был Органный зал в храме. Мы были близки с его хранителем — Владимиром Хомяковым. Сын мой с семи лет выступал в храме в концертах «Новых имен», в сольных концертах... Порою раза два-три в неделю я бывал в этом

храме — благо живу недалеко. А пять лет назад началась атака на Органный зал и возвращение храма в лоно церкви. И что? На него смотреть страшно — стоит облупленный, поднялись грунтовые воды, стены — не ровен час — рухнут. Это что? Вера? Никому до нее дела нет... Конечно, не мне судить о проблемах РПЦ, но я понимаю так, что она была разрушена во время октябрьского переворота в 1917 году. И не оправилась, и не оправится... это видно по ее пастырям.

Щетинкина: А мне очень помог Бердяев. Он показал в идеале «путь художника», о котором ты говоришь. Я проводила свои творческие встречи и размышляла о том, что как раз в момент вдохновения ты и находишься рядом с Богом. Это и есть самое-самое важное. А церковь предала Бердяева анафеме — потому что он показал в идеале слияние творческого гения человека с божественным началом: «... человек хочет быть с Богом, а Бог с человеком...» И такое взаимное проникновение необходимо для того, чтобы произошло событие творческой силы. А сейчас — когда я вдруг нырнула в язычество — я вижу, что в нем даже не столько религия, сколько космические силы. Да. И случайно открыла «Легенды» Елены Рерих, крутнула эту книжку... боже мой, да сколько их — этих путей! Можно уйти настолько, что всё остальное забросишь, но инстинкт меня сохраняет, не дает уйти от своего предназначения. Мне было смешно и грустно, когда на ТК «Культура» тетенька-искусствовед сказала: «сейчас художнику не нужно мастерство, главное — что-то придумать...» Чуть собачья. Как ты точно передашь то, что хотел бы сделать, если не владеешь материалом, не владеешь мастерством?

Шевелев: У нас перед глазами проходит наша же жизнь — какие-то дела, разговоры, поиски, выбор... Моя работа, по сути, ясная: мне нужно жизнь людей превратить в текст. Пока нет текста — есть хаос. Появился текст — и он структурирует и твою жизнь, и всё вокруг. А чтобы написать текст — нужно уметь это делать. А чтобы уметь что-то делать и делать хорошо — этим нужно заниматься каждый день и всю жизнь...

Щетинкина: Конечно, если художник не умеет рисовать — это грустно. Какое бы на тебя вдохновение ни снизошло — ты же не сможешь его выразить! Это даже глупо, а тетенька на «Культуре» еще с таким апломбом выступает... **Ж**